

Можно сделать вывод о том, что китайский язык кодирует многочисленные участки повседневности при помощи числовых выражений. Данное наблюдение можно интерпретировать как национальную черту китайцев, стремящихся узнать точное положение вещей, выразив его числовым эквивалентом.

А. И. Кобзев

Институт востоковедения РАН

Китайская мистика

В Китае мистика, естественным образом продуцируясь коррелятивным мышлением по принципу резонансного «единения родов» (тун-лэй 同类) и его нумерологической (сян-шу-чжи-сюэ 象数之学) рационализацией по методологии «И цзина», является важным компонентом всех главных религиозно-философских учений — конфуцианства, даосизма и буддизма, а также архаических и локальных культов, обобщенно именуемых народной или синкретической религией.

Конфуцианство, ассимилировав древние верования и ритуалы (ли 礼), культ предков и мантико-астрологическую традицию, представления о небесном предопределении (тянь-мин 天命) и благодати (дэ 德), божественной духовности (шэнь 神) и святомудрии (шэн 圣), при обретении статуса официальной идеологии в эпоху Хань, особенно благодаря усилиям Дун Чжун-пу (II в. до н. э.), мистифицировало понимание социума как находящегося в непосредственной зависимости от загробного сонма предков, правящей династии как единого тела и императора как «сына Неба» (тянь-цзы 天子), являющегося сакральным медиатором между Небом и Поднебесной. Мистические воспарения и озарения, основанные на осмыслении индивидуального «сердца» (синь 心) в качестве духовного центра мироздания («искусство/технология сердца» — синь-шу 心术, «учение о сердце» — синь-сюэ 心学), диалектически выдвинулись высшими результатами двух противоположных путей — длительного этико-ритуального самосовершенствования и мгновенного экстатического просветления, обусловленного «совпадающим единством Неба

и человека) (тянь-жэнь хэ-и 天人合一). Наибольшее развитие эта антитеза получила в борьбе двух ведущих направлений неоконфуцианства — Чэнь И (1033–1107) — Чжу Си (1130–1200) и Лу Цзю-юаня (1139–1193) — Ван Ян-мина (1472–1529).

Даосизм, унаследовав архаические воззрения и приемы шаманизма, мистифицировал природу как витально-пантеизированный универсум и человеческое тело-личность (шэнь 身) как его подобие. Представление о гомоморфизме натурально-божественного Неба и природы человека, об их подчиненности единому Пути-*дао* 道 рождало веру в возможность слияния с *дао* и овладения высшими силами вплоть до «воровского» изменения порядка вещей для достижения сверхъестественных свойств и бессмертия. Йогическая тенденция раннего даосизма в слиянии с ицзинистическим «учением о символах и числах» (сян-шу-чжи-сюэ) и оракуло-апокрифической (чэнь-вэй 讖纬) традицией в первые века н. э. оформилась в физико-химическую и психо-физическую алхимию, развитую прежде всего школой Высшей чистоты (шан-цин), мистификация образа Лао-цзы вылилась в его деификацию, а сформулированная в самом начале «Дао дэ цзина» идея таинственной невыразимости истины в словах и знаках обернулась мистикой чудодейственных талисманов, текстов и криптограмм (фу-лу 符箓). Присутствующая в первом же параграфе «Дао дэ цзина» аналогичная западной «мистике» категория сюань 玄 («таинственное, сокровенное, темное») легла в основу «Канона Великой тайны» («Тай сюан цзин») Ян Сюна (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.) и соединившего даосизм с конфуцианством учения о таинственном (сюань-сюэ).

Мистический потенциал буддизма, связанный с концепциями принадлежности «природы будды» (фо-син 佛性) всем существам, «буддого сердца» (фо-синь 佛心), «исконного прозрения» (бэнь-цзюэ 本觉, *яп.* хонгаку) и «внезапного просветления» (у-вэ, дунь-у 顿悟, *яп.* сатори), в Китае наиболее ярко реализовали его самые китаизированные школы — тянь-тай и чань (*яп.* дзэн), особенно в пробуждающей практике «самоотрешенного созерцания [истины]» (чжи-гуань 止观), сидячей медитации (цзо-чань 坐禅), «созерцания стены» (би-гуань 壁观) и шокирующих или, напротив, обыденных действий, головоломных «вопросов и ответов» (вэнь-да 问答, *яп.* мондо) или парадоксальных задач (гун-ань 公案, *яп.* коан). Школа Чистой земли (цзин-ту) акцентировала мистический эффект духовного созерцания Западного рая (Чистой земли, инд. Сукхавати), царящего там будды Амитабхи (*кит.* Амито-фо, *яп.* Амида) и рецитации мантры с его именем. Широкий спектр мистических приемов от

заклинаний (мантр, дхарани) и мандал до йогических и сексуальных упражнений применялся в китайском тантризме, название которого «тайная школа» (ми-цзун) содержит иероглиф *ми* 密 — один из эквивалентов «мистики».

В начале XX в. это западное понятие стало представляться несколькими неологизмами, образованными с помощью различных комбинаций традиционной лексики — *ми* 密 («тайное, эзотерическое»), его паронима *ми/би* 秘 («тайна, секрет»), *мяо* 妙 («чудесное, тончайшее»), *шэнь* 神 («дух, божество») и *ао* 奥 («юго-западный алтарный угол помещения, священное место»): *ми-цзяо* 密教 — «тайное учение», *ао-ми* (-чжи-дао) 奥密 (之道) — «сакрально-эзотерический (путь)», *ао-мяо* 奥妙 — «сакрально-чудесное», *ми/би-ми* 秘密 — «эзотерическая тайна», *шэнь-ми/би* 神秘 («духовная/Божественная тайна»). В итоге терминологически закрепился бинот *шэнь-ми/би* с формантами *сюэ* 学 («учение»), *шо* 说 («учение»), *лунь* 论 («теория»), *чжу-и* 主义 («...изм»).

Ю. С. Мыльникова

Санкт-Петербургский государственный университет

Категории и общественное положение певичек в эпоху Тан (танци 唐妓)

В обществе эпохи Тан существовало несколько категорий женщин, которые находились за рамками традиционных семейно-брачных отношений, среди них певички (*нюйцзи* 女妓), буддийские монахини (*нюйни* 女尼) и послушницы даосских монастырей (*нюйдаоши* 女道士).

С расцветом городской культуры в обстановке возникновения новых жанров искусства и массового увлечения литературой в танском обществе появляются талантливые и эрудированные женщины — поэтессы, танцовщицы и певицы в одном лице, которые в отечественной синологии традиционно именуется певичками.

Интерес к певичкам эпохи Тан как к своеобразному феномену китайского общества долгое время неизменно оставался особенно высоким, причем в исследованиях японских, китайских и западных историков